

УДК Ш5(2=5)52-4 Достоевский
ББК 882.09+929 Достоевский
Б 43

Белов С. В.
Б 43 Энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение». Том I. — СПб.: Алетейя, 2001; Российская Национальная библиотека, 2001. — 573 с. ISBN 5-89329-380-0

Книга ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ «Ф. М. Достоевский и его окружение» профессора, доктора исторических наук, члена Международного Общества Достоевского, ведущего научного сотрудника Российской Национальной Библиотеки, известного исследователя жизни и творчества Ф. М. Достоевского Сергея Владимировича Белова — уникальное явление в мировой филологической науке. На основе печатных и архивных источников автор с необыкновенной скрупулезностью реконструирует портреты всех современников гениального русского писателя, с которыми он встречался и творчески взаимодействовал.

Издание выходит в год двойного юбилея — к 180-летию со дня рождения писателя и к 120-летию со дня его смерти, рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся жизнью и творчеством Ф. М. Достоевского, историей великой русской культуры.

Арх.: РГВИА. Ф. 312. Оп. 2. Д. 1664. Статейный список. Обарестантах Гражданского ведомства, сосланных в крепостную работу на срок <...> за 1852 г.

ВРАНГЕЛЬ Александр Егорович [23.6 (5.7). 1833, мыза Верино Ямбургского уезда — 12 (25). 9.1915, Дрезден], барон, юрист, дипломат, археолог, мемуарист. Окончил в 1853 г. Александровский лицей, где учились петрашевцы *М. В. Петрашевский*, *Н. А. Спешнее*, *Н. С. Кашкин*, *А. И. Европеус*, с которыми Врангель и его отец были знакомы лично. Хотя по просьбе отца Врангель прослужил год в Министерстве юстиции и вполне мог сделать столичную карьеру, все же романтика, а главное, желание как можно быстрее и больше принести пользы России перевесили, и Врангель добровольно отправился на должность областного прокурора недавно созданной Семипалатинской области. Желание поработать в Семипалатинске «стряпчим казенных и уголовных дел» еще более усилилось, когда Врангель узнал, что в Семипалатинске отбывает ссылку после каторги талантливый писатель Достоевский. Врангель был не только поклонником его таланта, но и всю жизнь не мог забыть страшную сцену казни петрашевцев, свидетелем которой он оказался (см.: *Две любви*. 33–36). Когда старший брат писателя *М. М. Достоевский*, с которым Врангель был знаком, узнал, что Врангель едет в Семипалатинск, он попросил его отвезти Достоевскому письмо, книги, белье и деньги.

20 ноября 1854 г. Врангель добрался до Семипалатинска и на следующий день вызвал к себе Достоевского. Слезы выступили на глазах у Достоевского, когда он стал читать письма от брата — четыре года он не имел никаких писем от родных. Случилось так, что именно в это время Врангелю тоже принесли письма от родных и, вспомнив о том, как они далеки, и, глядя на страдальческое, измученное лицо Достоевского, Врангель тоже разрыдался. Они крепко обнялись (Там же. 42). С этого момента началась их дружба, тем более удивительная, если учесть, что Достоевский был старше своего нового друга на двенадцать лет. С той самой первой встречи, когда Врангель 21 ноября 1854 г. увидел ссыльного писателя, он начал настойчивую, целеустремленную и необычайно активную борьбу за Достоевского. Можно с уверенностью сказать, что именно Врангель больше всего сделал

для облегчения участи Достоевского в ссылке: ввел его во многие «начальственные» дома Семипалатинска, предпринял героические усилия, чтобы Достоевскому снова дали офицерский чин, разрешили вернуться в Европу, дали возможность печататься, — одним словом, сделал все от него возможное и невозможное для полной амнистии писателя. Близко соприкасаясь с Достоевским в Семипалатинске, Врангель поверил сразу и безоговорочно в его гигантский нереализованный творческий потенциал. И стремление Врангеля облегчить участь Достоевского в ссылке, неумное желание добиться его полной амнистии — это прежде всего и главным образом спасение творческого гения писателя. И хотя явно либеральная деятельность Врангеля на посту семипалатинского прокурора (некоторые «идеологические» черты этого гуманного прокурора можно найти у следователя новой формации Порфирия Петровича в «Преступлении и наказании»), вызывавшая не всегда положительную реакцию местных властей, а также огромное желание самого Врангеля снова увидеть своих родных и принести пользу на поприще археологии и дипломатии ускорили его отъезд из Семипалатинска, все же была еще одна, пожалуй, самая главная причина отъезда Врангеля, о которой он, по скромности, не пишет в своих мемуарах «Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854–56 гг.», вышедших в Петербурге в 1912 г. и вошедших в книгу «Две любви» (книга Врангеля — уникальное по полноте свидетельство современника о жизни писателя в ссылке, замечательное к тому же с точки зрения проникновения в душевный мир Достоевского, в трагическое (ссылка) и в то же время счастливое (любовь к *М. Д. Исаевой* — будущей первой жене писателя) для него время).

Отъезд Врангеля из Семипалатинска был связан с именем Достоевского, с желанием спасти его творческий гений. И Врангель скорее рвется в Петербург, прекрасно понимая, что в столице он может сделать гораздо больше для полной амнистии писателя. Так и случилось. Спасение творческого гения Достоевского и есть величайшая заслуга Врангеля перед русской и мировой литературой.

Вернувшись в Петербург весной 1857 г., Врангель скоро отправляется в кругосветную экспедицию с русской эскадрой, получив специальное задание, — собрать естественно-историческую коллекцию и сделать точное описание

путешествия. **В 1858–1859**. Врангель участвует в подготовке важного для России Айгунского договора с Китаем, затем представляет Россию за рубежом в различных консульствах и посольствах. Однако где бы ни находился Врангель, он всегда помнит о своем «дорогом» и «незабвенном» семипалатинском друге. Так, 20 (8) февраля 1858 г. Врангель спрашивал М. М. Достоевского: «Ради Бога, что делает и где брат Федор? Вот уже десять месяцев, что я не получаю писем. Напишите ему, чтоб он писал моему отцу, тот доставит мне его послания... Прощайте, не забывайте меня и если увидите Федора раньше, чем я, то обнимите и поцелуйте его, ибо он мой брат и друг» (*Ланский*. Достоевский в неизданной. 376). Но и Достоевский в восторженных тонах рекомендует своего молодого друга в письмах к родным и друзьям (18 января 1856 г. Достоевский писал поэту А. Н. Майкову. «Александр Егорович барон Врангель, человек очень молодой, с прекрасными качествами души и сердца, приехавший в Семипалатинск в Сибирь... с великодушной мечтой узнать край, быть полезным и т. д... Мы с ним сошлись, и я полюбил его очень... Чрезвычайно много доброты... благородства сердца... Добра он мне сделал множество. Но я люблю его и не за одно добро, мне сделанное». — *Достоевский*. Т. 28. Кн. I. С. 207), да и в письмах друг к другу Достоевского и Врангеля неизменно присутствует этот же дружески-восторженный тон, и Врангель имел полное основание включить в свои воспоминания письма к нему Достоевского, так как они составляют единое целое с его мемуарами.

Достоевский глубоко проник в характер Врангеля, когда писал ему из Семипалатинска 9 марта 1857 г.: «...Характеры, как у Вашего отца — странная смесь подозрительности самой мрачной, болезненной чувствительности и великодушия. Не зная его лично, я так заключаю о нем, ибо знал в жизни, два раза, точно такие же отношения, как у Вас с ним. Его тоже нужно щадить, и Вы знаете это лучше меня. Знаете что, друг мой милый: мне кажется, что Вы такого же характера, тоже больны сердцем и душою, и если в Вас еще не развилась мнительность и подозрительность, то не было случая, или еще рано, то есть разовьется потом. Зато у Вас болезненно развилась чувствительность. Берегите и спасайте себя от этого; сильные перевороты в жизни помогают всегда; я был ипохондрик в высшей степени, но излечился вполне крутым переворотом, случившимся в судьбе **моей**» (Там же. 270).

Под «вполне крутым переворотом» Достоевский имеет в виду свою женитьбу на М. Д. Исаевой, намекая в то же время, что Врангель не решился сделать такой же переворот в своей судьбе, когда влюбился в Сибири в жену горного начальника Алтайских заводов полковника А. Р. Гернгросса *Екатерину Иосифовну Гернгросс*. Этот роман, о котором Врангель, естественно, глухо упоминает в своих воспоминаниях, а также некоторые черты характера Врангеля, взаимоотношения его с Достоевским, нашли отражение в повести Достоевского «Вечный муж», в замысле «Весенняя любовь» и в романе «Бесы». После позвращения писателя из Семипалатинска в Тверь, а затем и в Петербург его переписка с Врангелем то прекращалась, то возобновлялась, да и встречи были редкие. И не только потому, что Врангель кочевал по миру как дипломат и путешественник. В значительной степени редкие общения и редкая переписка происходили по вине Достоевского. После принудительной каторги и солдатчины для писателя неизбежно должна была начаться «живая жизнь». Эта «живая жизнь» включала и все, что свалилось на Достоевского сразу: и потеря жены и брата, и практически разрыв отношений с другой любимой женщиной, и катастрофические долги по двум журналам, которые они издавали вместе с братом, и обязательство содержать его вдову и четырех детей, и грозящая долговая тюрьма, и попытка писать одновременно два романа — «Игрок» и «Преступление и наказание».

31 марта - 14 апреля 1865 г. Достоевский писал Врангелю: «Милый, добрый друг мой, Александр Егорович, я понимаю, что Вы должны были очень удивиться и, конечно, судя по чувствам Вашим ко мне, оскорбиться моим молчанием в ответ на оба Ваши задушевные, добрейшие письма. Не удивляйтесь и не оскорбляйтесь. Я Вам тотчас же хотел тогда ответить и *не мог*. Почему? Прочтете ниже. Но Вас, друга моего в то время, когда у меня не было друзей, свидетеля и моего бесконечного счастья и моего страшного горя (помните ту ночь в лесу, под Семипалатинском, когда мы их [Исаевых] провожали); друга моего и потом здесь, в Петербурге, ходатая за меня — Вас мог ли бы я забыть? Напротив, во все это годы много раз я об Вас думал и **вспоминал**. Но что была моя жизнь в это время. Я Вам обязан объяснением и даже отчетом, чтоб разъяснить мое недавнее молчание на Ваши письма... И вот я остался вдруг один, и стало мне

просто страшно. Вся жизнь переломилась разом надвое... О, друг мой, я охотно бы пошел опять в каторгу на столько же лет, чтоб только уплатить долги и почувствовать себя опять свободным. Теперь опять начну писать роман из-под палки, то есть из нужды, наскоро... А между тем все мне кажется, что я только что собираюсь жить. Смешно, не правда ли? Кошачья живучесть!» (Там же. Кн. П. С. 115–116, 119–120).

Откредиторов, опиши имущества и долговой тюрьмы Достоевский бежит за границу со 175 рублями в кармане. В конце июня 1865 г. он приезжает в Висбаден и в пять дней проигрывает на рулетке все свои деньги. Достоевский прекрасно знал эту свою несчастную страсть, как иррациональный противовес своей тяжелой судьбе, как и хорошо понимал, что всегда сумеет побороть эту страсть, когда «**божественный** глагол до слуха чуткого коснется, душа поэта встрепенется, как пробудившийся орел». В убогой комнате маленького висбаденского отеля с утра до вечера Достоевский пишет гениальный роман мировой литературы «**Преступление и наказание**», без еды и без света (ему нечем заплатить за них), в такой же нищете, как и герой этого романа, Достоевский работает, «сжигаемый какой-то внутренней **лихорадкой**», торопясь отчаиваясь.

Достоевский пишет отчаянные письма своим друзьям и знакомым, умоляет прислать ему деньги, чтобы рассчитаться с долгами, вырваться из проклятого висбаденского отеля и вернуться в Россию. Но лишь один человек по-настоящему выручает его. Это Врангель. Он снова спасает Достоевского, как неоднократно спасал его при материальных затруднениях в Семипалатинске, когда развивался бурный роман писателя с М. Д. Исаевой. 1 октября 1865 г. Достоевский приезжает в Копенгаген к Врангелю и гостит у него неделю (*Гроссман*. 152).

О последней встрече с Достоевским в Петербурге в 1873 г. Врангель вспоминал: «Время и долгая разлука (свыше семи лет), конечно, наложили свою печать на наши отношения, к тому же в этот день он показался мне раздраженным и нервным: куда-то торопился. О прошлом ни слова; он даже не сказал мне, что он вторично женился и как идут дела **его...**» (Две любви. 154). Врангель абсолютно прав. Действительно, время и долгая разлука наложили печать на их отношения. Но Врангель не знал, что Достоевский — теперь уже отец семейства во втором счастливом браке — по-прежнему в большой нужде,

и именно нужда заставила его в 1873 г. редактировать одиозный журнал князя В. П. Мещерского «**Гражданин**», и это редактирование отнимало у него последние силы. Но не это, очевидно, главная причина «разминки» писателя и его семипалатинского друга. За это время, что они не виделись, Достоевский написал три великих романа: «Преступление и наказание», «**Идиот**», «**Бесы**», а впереди его ждали новые гениальные прозрения — прозрения, недоступные его друзьям и современникам. Он предвидел на сто лет вперед и жил совсем в другом духовном измерении, чем все, с кем он встречался и кто его окружал. Врангель в данном случае не составил исключения, тем более, если учесть, что со дня их первой встречи в Семипалатинске прошло почти двадцать лет, и за эти года Достоевский неизмеримо вырос духовно или, говоря его же словами, окончательно произошло «перерождение его **убеждений**».

И все-таки Достоевский не мог забыть своего семипалатинского друга. Он вспомнил не только старый, корневой, «неслучайный» род Врангеля, когда создавал роман о «случайном семействе» «**Подросток**», но и вспомнил чистое, открытое, нежное и ищущее сердце Врангеля, когда создавал образ главного героя романа — подростка Аркадия Долгорукого. И в последнем романе «**Братья Карамазовы**» Достоевский мог вспомнить своего юного семипалатинского друга. Иван Карамазов рассуждает, о чем же могут говорить «русские мальчики», когда они «поймали **минутку**»: «О мировых вопросах, не иначе: есть ли Бог, есть ли бессмертие? А которые в Бога не веруют, ну те о социализме и об анархизме заговорят, о переделке всего человечества по новому штату, так ведь это один же черт выйдет, все те же вопросы, только с другого конца. И множество, множество самых оригинальных русских мальчиков только и делают, что о вековых вопросах говорят у нас в наше время» (*Достоевский*. Т. 14. С. 213). Достоевский вспомнил здесь не только разговоры о Боге и **социализме**, которые вели «русские мальчики» 1840-х гг. — **петрашевцы**, но и аналогичные разговоры с Врангелем в Семипалатинске.

А сам Врангель не обиделся на последнюю прохладную встречу — культ Достоевского он пронес через всю свою долгую жизнь. Вот как писала об этом дочь писателя Л. Ф. Достоевская: «Впоследствии барон Врангель оставил министерство и посвятил себя дипломатии. Он стал

посланником на Балканах, долгое время жил там и встречался со многими выдающимися людьми. Но в конце своей жизни он вспоминал только о своей дружбе с Достоевским. Мои соотечественники, встречавшиеся с ним в Дрездене, когда он занимал там свой последний пост русского консула, рассказывали мне, что каждый раз, когда с ним знакомился какой-нибудь русский, барон Врангель тотчас же ему рассказывал о дружбе с великим писателем Достоевским и сообщал мельчайшие подробности их совместной жизни в Семипалатинске. "Это стало настоящей **манией**", — говорили мне русские наивно <...>. Достигнув преклонного возраста и подводя итоги жизненного пути, барон Врангель понял, что лучшей страницей в книге его жизни была дружба с великим писателем и что он не мог бы оказать большей услуги человечеству, создав, благодаря своей деликатности и хорошему воспитанию, больному и гениальному человеку, покинутому родными, несколько месяцев покоя после только что пережитого им страшного **испытания...**» (Достоевская Л. Ф. 76).

Свои мемуары о писателе — «Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854–56 гг.» — Врангель выпустил отдельной книгой за три года до своей кончины: на пороге смерти он понял, что самое великое и дорогое, что послала ему судьба, — это жизнь с Достоевским в Семипалатинске.

Изд.: Две любви; 12 писем Врангеля к Достоевскому за 1856–1866 гг. опубликованы Т. И. Орнатской // Достоевский: Материалы. Т. 3. С. 262–265. *Лит.:* 23 письма Достоевского к Врангелю за 1855–1866 // *Достоевский*. Т. 28. Кн. I, II; *Geschichte der Familie von Wrangel vom Jahre zwolfhundertfünzig bis die Gegenwart*. Berlin; Dresden, 1887. Т. I. S. 381–387; *Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften*. Gorkitz, 1930. Т. I. S. 577; *Косенко*. Сердце остается; *Достоевская Л. Ф.* 75–76; *Белов С. В.* Две любви Ф. М. Достоевского // Две любви. С. 5–18. *Арх.:* РГАЛИ. Ф. 212. 1 63. *Портр.:* Две любви. 30.